

переселения народов, когда варвары наводнили Европу, судьба герметического знания оказалась в руках арабов. Они-то и придали алхимии тот вид, в котором она, начиная с X века стала восприниматься христианской Европой. В этом отношении, как и во многом другом, переломной оказалась эпоха Крестовых походов: крестоносцы принесли на Запад трактаты арабских алхимиков. Со временем у европейской алхимии появились свои славные представители: Алан Лилльский, Альберт Великий, Роджер Бэкон, Фома Аквинский, Раймонд Луллий, Джордж Рипли, Бернар Тревизан, Николая Фламель, Василий Валентин, Исаак Голланд и, уже на рубеже Средних веков и Нового времени знаменитый врач-алхимик Парацельс.

А затем - постепенно, в течение двух-трех столетий, алхимия угасала в собственных мрачных глубинах. Ее способ объяснять «темное через еще более темное, неизвестное через еще более неизвестное» («*obscurum per obscurius, ignotum per ignotius*») был несовместим с духом Просвещения и тем более с развитием в XVIII-XIX веках химии как науки. Утверждения, что алхимия жива и по сей день, можно воспринимать лишь как некий курьез, дань увлечению оккультизмом, тягу к чудесному и таинственному, что, впрочем, органически присуще человеческой природе. Выражение «современные алхимики» не раз встречается на страницах предлагаемой ныне российскому читателю книги С. Ютена, посвященной повседневной жизни средневековых алхимиков Западной Европы. Современные - в смысле живущие в одно время с людьми XX, а теперь уже и XXI веков. Если и вправду есть такие, то они под стать настоящим средневековым алхимикам-адептам, умевшим держать язык за зубами и не выставлявшим напоказ профанам свое священное искусство.

В наш информационный век мы знаем цену информации, но ценить знание люди умели во все века. Что сейчас скрывается под грифом «Совершенно секретно», то в древности было уделом немногих посвященных, хранивших священные тайны, в коих религия переплеталась с позитивными знаниями об окружающем мире. Символ знания - огонь (прометеев огонь...), который угаснет, если заботливые руки не сберегут его и не передадут грядущим поколениям. Алхимик разжигал в своем атаноре (алхимической печи) огонь и не давал ему угаснуть, пока свершалось таинственное действие Великого Делания, а оно порой непрерывно продолжалось месяцами. Огонь горел в плавильных печах первобытных металлургов, впервые открывавших тайну превращения руды в металл, а металлов в сплавы. Средневековые алхимики - прямые потомки первобытных металлургов и кузнецов, ибо превращение веществ под воздействием огня всегда было великим таинством, к постижению которого посторонних не допускали. Если грязеподобную массу (болотную руду) можно превратить огнем в сверкающую сталь, то нельзя ли из свинца или ртути изготовить золото? Принцип тот же самый - превращение (трансмутация) веществ. Зарождалась златодельная алхимическая утопия, завладевшая умами несметного множества искателей.

Человечество разделилось на тех, кто не терял и не теряет надежды научиться делать золото, и тех, кто не верил и не верит в подобные бредни, подвергая алхимиков осмеянию. В XIII веке Данте определил место алхимику в десятом рву восьмого круга Ада:

Но я алхимик был, и потому Минос, который ввек не ошибется, Меня послал в десятую тюрьму.[1]

Чосер в своих «Кентерберийских рассказах» (XIV век) в весьма нелестном свете выставил тех, кто предается занятиям алхимией. В «Корабле дураков» Себастьяна Бранта, сатире на феодальное общество XV века, досталось и алхимикам, псевдоученые занятия которых сочетают в себе глупость с мошенничеством:

Алхимия примером служит
Тому, как плутни с дурью дружат.[2]